

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

КЛАССИКИ ПРИКЛАДНОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Психотическая организация: социоаналитическая перспектива¹ *

Б. Сиверс

*(Пер. с англ.: Наталья Редькина,
науч. ред.: Е. Шаповалова)*

Буркард Сиверс – заслуженный профессор по организационному развитию в Школе бизнеса и экономики им. Шумпетера при университете Bergische Universität Wuppertal в Германии, экс-президент Международного общества психоаналитического исследования организаций (ISPSO). Член правления SCOS – Постоянной конференции по организационному символизму. Более 30 лет работал организационным консультантом и руководил многими конференциями по групповым отношениям в Германии и за рубежом. Проводит семинары по анализу организационных ролей, социальной фотоматрице и социальной матрице снов. В 1995 году удостоен приза от The HBK-Spaarbank (Бельгия) за книгу «Работа, смерть и сама жизнь».

¹ Расширенная версия доклада в Центре психоаналитических исследований Университета Эссекса, 26 октября 2005 года. Я благодарен Хизер Хопфл и Роберту Д. Хиншелвуду за предоставленную возможность. Особую благодарность я хотел бы выразить Роуз Мерски за редактирование этой статьи для лучшего выражения моих идей на английском языке.

* Статья опубликована в журнале: *Ephemera articles theory & politics in organization*, 2006 *ephemera* 6(2): 104–120.

Психотическая организация: социоаналитическая перспектива» стала лейтмотивом моих публикаций и исследования организаций и менеджмента на протяжении почти десятилетия. Сначала я хотел бы представить свое видение организации с точки зрения социоаналитического подхода. Затем я кратко опишу опыт Конференции по групповым отношениям, на которой преобладало организационное безумие. В третьей части я в общих чертах изложу, что понимаю под «психотической организацией», и укажу несколько мыслителей и источников, на которых я построил свою концепцию. Четвертая часть включает некоторые инсайты, полученные мной при применении данного подхода к различным организационным и социальным системам. В заключение конкретизируется гипотеза, что понятие психотической организации как социоаналитической попытки глубинного понимания организаций открывает новое мышление и перспективы в теории и политике организаций.

Ключевые слова: организационные защитные механизмы, психотическая организация, социоанализ.

«На бессознательном уровне все мы знаем про нормальность и распространенность психотических тревог, но совсем другое дело – уметь размышлять о некоторых последствиях неизбежности этих бессознательных фантазий для жизни, культуры, политики и теории познания», Роберт М. Янг, 1994, с. 50

«Даже если руководители отрицают свои психотические тревоги, они бессознательно приходят к созданию организаций, предназначенных для удержания их в страхе», Гордон Лоуренс, 1995, с. 17

Предисловие

Эта статья представляет собой доработанную версию доклада в Центре психоаналитических исследований. Я хотел бы обратиться здесь к более широкому кругу читателей, к тем, кто, возможно, не знаком с психо- и социоаналитическим подходом (и риторикой), т. е. «непосвященным», как выразился один из рецензентов этой работы. По этой причине я следую рекомендациям рецензентов подробно рассмотреть этот вопрос. Поэтому мне хотелось бы начать с краткого обзора того, как я понимаю данный подход в контексте организации и управления.

Понимание психоанализа как науки о культуре, обществе и организации не слишком распространено. С классической точки зрения психоанализ рассматривается как раздел медицины или психологии. Таким образом, для гуманитарных наук, в частности контекста менеджмента и организации, психоанализ преимущественно сводится к *прикладной науке*, и ее значимость ограничивается применением идей, полученных из клинических исследований. Поскольку фокус психоанализа как прикладной науки ограничен прежде всего бессознательным отдельных членов

организации, или «пациентов», бессознательные явления и динамика на уровне организации в целом крайне сложны, если не невозможны, для понимания и концептуализации – и поэтому в основном считаются несущественными или даже несуществующими.

В противоположность только одной сфере применения психоанализа научный интерес к бессознательному в организационной (и общественной) среде тем временем стал самостоятельной дисциплиной, основанной на соответствующих теориях (например, *Elieli*, 1994; *Eisold*, 1997; *Erlich*, 1998; *Gabriel*, 1999; *Lawrence*, 1999; *Neumann & Hirschhorn*, 1999). В сравнении с более распространенным термином «*организационная психодинамика*» понятие «*социоанализ*», предложенное Бейном (*Bain*, 1999), кажется мне более подходящим для данной области исследования. Бейн описывает социоанализ как «деятельность по изучению, консультированию и экспериментальному исследованию, которая объединяет и синтезирует методологии и теории, полученные от психоанализа, теории групповых отношений, социальных систем мышления... организационного поведения», и социального сновидения (там же, 14). Несмотря на то что понятие социоанализа прямо ссылается на свои корни в психоанализе, оно преодолевает ориентацию на человека, преобладающую в терапевтическом использовании психоанализа.

Бейн видит происхождение социоанализа в работах Биона, Рикмана, Фольке в больнице Холлимур (Нортфилд, Бирмингем) в 1943 году (*Main*, 1946; *Harrison & Clarke*, 1992; *Harrison*, 2000). Распространение психоаналитического подхода на группы и организации приписывается главным образом Уилфреду Биону и его учению, созданному на основе Нортфилдских экспериментов (*Bion*, 1946, 1948a/b, 1961). Хотя соответствующая теория еще не была доступна в то время, Бийон первый внес «системный» подход в психоаналитическое мышление. Его работа с группами базировалась на гипотезе, что группами, как правило, управляют «примитивные» фантазии бессознательной природы, которые являются выражением психотических тревог. Это привело его к предположению, что традиционный уклон на индивидуальную или триадную части греческого мифа об Эдипе, почитаемого Фрейдом и большинством его преемников как «эдипов комплекс», может распространяться на социальную и политическую сферы. Выделяя другую часть мифа, а именно Сфинкса и его загадку: «Какое существо ходит на четырех ногах утром, на двух ногах в полдень и на трех вечером?» – Бийон (*Bion*, 1961, p. 8) предложил «бинокулярное» видение как необходимое условие для психоаналитического изучения групп и, следовательно, общества. В то время как «проект Эдипа» символизирует классическое пространство психоанализа в диадическом сеттинге аналитика и анализанда, «проект Сфинкса» относится к социальной сфере, которая формирует осознанность и намерение в организациях (*Lawrence*, 1999, p. 104; cf. *Sievers*, 1999b). Сфинкс олицетворяет способность освещать и подвергать сомнению господствующие (бессознательные) фантазии и психотическое мышление в группах, для того чтобы обеспечить тестирование реальности, необходимое для «рабочей группы». «Психоаналитическое исследование организаций складывается

вокруг Сфинкса как центральной фигуры и Эдипа как вторичного, но сопряженного признака. Иными словами, Сфинкс – это "рисунок" в изучении организаций, а Эдип – "фон"» (Lawrence, 1999, p. 106).

В современном контексте психотических организаций «Сфинкс» предлагает видение организационной динамики, которое допускает рассмотрение психотических явлений и реакций, вызванных не отдельными лицами, а обществом. Вместо того чтобы акцентировать внимание на конкретных людях, которые могут оказать критическое воздействие на динамику в организации, выбранный подход, наоборот, основывается на утверждении, что бессознательные эмоции и явления в организации социально обусловлены и, как следствие, «принимаются» обладателями организационной роли. Когда в организации преобладают психотические защиты против тревоги, ее сотрудники сознательно или бессознательно чувствуют необходимость мобилизовать собственные психотические части, вступая, таким образом, в сговор с «массовым психозом» на уровне организации.

Следующий пример может показать, в какой степени бессознательная динамика в организационной среде и мышление обладателей организационной роли могут восприниматься как побуждаемые организацией (и связанные с ее окружающей средой). Например, Лоуренс (1995; см. также Sievers, 1999; Knights & McCabe, 1997; Steingard & Fitzgibbons, 1993; Willmott, 1993) заметил, что внедрение Британской национальной службой здравоохранения традиционных методов управления привело к тому, что администрации больниц реализовывали и оправдывали тоталитарные способы мышления, несовместимые с профессиональными ценностными ориентациями врачей и медсестер. Насколько методы и инструменты управления ориентированы преимущественно на максимизацию прибыли и экономическое выживание, настолько теряется оригинальная «больничная атмосфера». Поэтому больницы больше не отличаются от других производственных или сервисных предприятий, а среди сотрудников господствует страх потерять работу. Сотрудники и пациенты превратились в экономические объекты, то есть в человеческий ресурс и потребителей. Страх аннигиляции – потери работы и профессиональной идентичности – реактивирует со стороны обладателей организационной роли (медицинского персонала) ранние страхи подобного рода. Поэтому они рискуют потерять способность контейнировать² аннигиляционные страхи пациентов, которые те испытывают в связи со своей болезнью и/или надвигающейся смертью (см. там же, Menzies, 1960).

² «Концепция контейнирования Биона основана на идее о том, что ребенок проецирует в свою мать чувства, которые утомительны, страшны, мучительны или каким-то другим образом невыносимы. Мать вбирает в себя проецируемые на нее ребенком части его психики и, придав им осмысленное содержание, возвращает их ребенку, чтобы он мог их освоить и реинтегрировать как свои собственные. Контейнируется не младенец как таковой, а чувства, которые мать переживает по отношению к младенцу, которого она должна контейнировать. В результате полный цикл представляет собой трансформацию детской проективной идентификации в осмысленное содержание. Но основное внимание матери сосредоточено не на контейнировании младенца, а на контейнировании специфического чувства, спроецированного в нее младенцем в определенное время» (Blackwell, 2006).

Кроме ранее упомянутой основы социоанализа, т. е. работы Биона, моя основная концепция также находится под влиянием вклада Мелани Кляйн в теорию объектных отношений. Ее теория развития раннего детства была применена к организационному контексту Жаком (*Jaques*, 1953, 1955) и Менгиз (*Menzies*, 1960) с их упором на механизмы социальной защиты. Это развитие оказало существенное влияние на исследования в этой области.

Оба кляйнианских понятия – параноидно-шизоидная и депрессивная позиции – являются составными элементами этой теории и следующей темой для размышления. Так как они, скорее всего, непонятны большинству читателей этого журнала, я бы хотел кратко объяснить их.

В своей теории раннего детского развития Кляйн различает параноидно-шизоидную и депрессивную позиции. Вводя понятие «позиция», Кляйн подчеркивает, что, хотя младенчество можно рассмотреть как развитие от начальной (параноидно-шизоидной) к последней (депрессивной) стадии, их нельзя рассматривать как фазы в том смысле, что если последняя достигнута, первая остается позади. Обе позиции содержат определенный набор страхов и защит. Основным страх параноидно-шизоидной позиции заключается в преследовании и уничтожении «объектом» (страх аннигиляции). Преобладающие защиты этой позиции – проекция и интроекция, расщепление на плохие и хорошие объекты, идеализация и магическое всемогущее отрицание³. «В депрессивной позиции объект любим,

³ *Проекция*: буквально – бросание от себя. Отсюда использование этого термина в... психоанализе в значении «восприятие психического образа как объективной реальности». В психоанализе можно выделить два более частных значения: а) присущее всем искажение психической деятельности, как в сновидениях и галлюцинациях; б) процесс, посредством которого конкретные импульсы, желания, части себя или внутренние объекты локализируются воображением в каком-либо объекте, внешнем по отношению к индивиду. Проекция этих частей себя предшествует отрицанию, т. е. индивид отрицает, что у него есть такое-то и такое-то чувство, такое-то и такое-то желание, но утверждает, что они есть у кого-то другого... Проекция внутренних объектов состоит в приписывании чувств, которые индивид испытывает к себе, кому-то из его окружения; это обусловлено интроецированием какого-то внешнего объекта в прошлом (*Rycroft*, 1968/1995, p. 139).

Интроекция: процесс, посредством которого функции внешнего объекта берет на себя его психическое представление, посредством которого отношения с объектом «вовне» заменяются отношениями с воображаемым объектом «внутри себя». Образовавшуюся в результате психическую структуру называют по-разному: *интроект*, *интроецированный объект* или *внутренний объект* (*Rycroft*, 1968/1995, p. 87).

Расщепление: процесс (защитный механизм), посредством которого психическая структура теряет свою целостность, образуя взамен две или более подструктуры. Описано как расщепление Эго, так и расщепление объекта. После расщепления Эго обычно лишь одно из образовавшихся частичных Эго ощущается как «самость», другое же представляет собой (обычно) бессознательную «отколовшуюся часть Эго». После расщепления объекта эмоциональное отношение к двум подструктурам обычно прямо противоположное: один объект ощущается как «хороший» (принимающий, добрый и т. д.), другой – как «плохой» (отвергающий, злой и т. д.). Расщепление Эго и объекта часто связывается с отрицанием и проекцией; это трио составляет шизоидную защиту, посредством которой части себя (и внутренних объектов) не признаются своими и приписываются объектам в окружении» (*Rycroft*, 1968/1995, p. 173).

Идеализация: защитный процесс... посредством которого амбивалентно рассматриваемый... (внутренний) объект расщепляется на две части... и один из получившихся объектов воспринимается как идеально хороший, а другой – как абсолютно плохой. Понятие содержит два момента:

несмотря на его плохие части, тогда как в параноидно-шизоидной позиции осознание плохих частей внезапно превращает хороший объект в преследователя. Следовательно, любовь может поддерживаться в депрессивной позиции, давая начало стабильности» (*Hinshelwood*, 1991, p. 141). В то время как страх преследования в параноидно-шизоидной позиции «является страхом для Эго», страх в депрессивной позиции «является страхом за выживание любимого объекта» (там же, с. 273).

Обе позиции остаются составными частями психики в эмоциональной жизни взрослых. Тогда как достижение и усиленная стабилизация депрессивного положения понимаются как зрелость, регрессия к параноидно-шизоидному положению и параноидальной защите от депрессивных тревог даже для взрослого является повседневным опытом при определенных (объективных или субъективных) условиях.

В рамках социоанализа и на основании того, что было изложено выше, эти позиции, их страхи и защиты понимаются в первую очередь как составляющие соответствующей *организационной* динамики и способов мышления, которые бессознательно могут мобилизовать тревоги и защиты раннего опыта со стороны обладателей организационных ролей. Например, в больнице, где, как описано выше, внешние угрозы из экономической и политической среды могут привести к тоталитарному мышлению, проявление бессознательных фантазий и страхов среди ее сотрудников (как руководителей, так и «рабочих») не может объясняться преимущественно индивидуальными недостатками характера, а должно рассматриваться как социально обусловленное. В условиях, в которых психодинамика больницы (или одной, или нескольких ее подсистем) поражена страхами и защитами параноидно-шизоидного типа, вряд ли обладатели организационных ролей смогут справляться с пациентами из депрессивной позиции, которая обеспечила бы достаточный уход, «любовь» и признание амбивалентности.

В отличие от преобладающего понимания организации в психоанализе как организации личности или психики, моя концепция организации фокусируется на внутренних резонансах, представлениях и в опыте обладателей организационных ролей в организации, в которой они работают и в которой они состоят. Таким образом, организация воспринимается как «организация-в-уме» (Хаттон и др., 1997), «учреждение-в-уме» (*Armstrong*, 1997, 2005) или как «учреждение-в-опыте» (*Long*, 1999, p. 58). Вместо утверждения, что организации (с их структурами, задачами,

построение идеального, совершенного объекта и овеществление идеи. Идеализация в более широком, не специальном значении при рассмотрении личности как совершенной и замечательной включает в себя помимо идеализации и проекцию» (*Rycroft*, 1968/1995, p. 75).

Фантазии всемогущества – это фантазии, согласно которым субъект всемогущ. *Всемогущество мысли* относится к вере в то, что мысли могут сами по себе изменить внешний мир. Согласно некоторым данным, все дети верят во всемогущество мысли и учатся посредством опыта фрустраций принимать принцип реальности. Согласно другим данным, всемогущество мысли является симптомом отчуждения и диссоциацией через фантазии от любого контакта с внешним миром» (*Rycroft*, 1968/1995, p. 119).

фирменным стилем и т. д.) являются «объективной реальностью», мой взгляд основан на предположении, что «все организации <...> зависят от мышления людей, которые занимают в них должности. Не будь мышления, не было бы никакой организации. Мышление является определяющей характеристикой жизни и работы людей в организации. И то же самое можно сказать и о любой другой общественной структуре» (Lawrence, 2000, p. 3). Это мышление может иметь как сознательные, так и бессознательные характеристики.

Организационное безумие

Я уже почти десять лет всячески пытаюсь понять и концептуализировать с социоаналитической точки зрения то, что в повседневном языке будет называться «организационное безумие» или «безумие нормальности». Мои поиски того, что я позже назвал «психотической организацией», на самом деле начались по случаю одной конференции по групповым отношениям⁴, которую я проводил в Германии более 10 лет назад.

Основополагающее понимание групп (и социальных систем) в традиции групповых отношений состоит в том, что человек – это групповое животное, воюющее с его groupishness (социальной природой) (Bion, 1961, p. 168). Обучение на опыте этих конференций всегда происходит в резонансе с «психотическим», которое одновременно является частью нормальной личности и фундаментальной характеристикой динамики групп и систем. Однако эта конкретная конференция имела очень сильное сходство с «безумием» (Sievers, 1999a).

Страх сойти с ума и желание свести с ума других прошли через всю конференцию от первого пленарного заседания до заключительной сессии восемь дней спустя. Все началось с того, что некоторые участники начали обвинять персонал и, в частности, руководителя в проявлении неосторожности и безответственного риска, подвергая людей такому безумному событию. Но вскоре параноидными фантазиями были заражены почти все, участники и персонал в равной степени. Мы как сотрудники работали над пониманием «безумия» с точки зрения системного измерения и динамики, а не личностной патологии. В наших исследованиях нам очень помогли два художественных произведения: «Бенито Серено» Германа Мелвилла (1855/1969) и «Система доктора Смоля и профессора

⁴ Подход конференции по групповым отношениям «был разработан Уилфредом Бионом... и другими и развивался в Тавистокском институте человеческих отношений под руководством А.К. Райса. Он предполагает интенсивное изучение авторитета, лидерства и самоуправления участниками временного общества. Это достигается тем, что участники контролируют свой собственный опыт в процессе участия в индивидуальной, групповой и общественной динамике самой конференции. То есть это особенно интенсивная форма экспериментального обучения, которая концентрируется на интерпретации постоянно меняющихся, динамических бессознательных процессов, которые опосредуют отношения между индивидуумом и группой "здесь и сейчас". Модель групповых отношений эквивалентна психоаналитическому методу как инструменту социального и культурного исследования, и членам конференции предлагается устанавливать связи с их более обширным опытом в организационной и социальной жизни» (Young, 2006).

Перро» Эдгара Аллана По (1855/1969). В этих рассказах оба автора описывают организации: первый – испанский рабский корабль на побережье Чили в 1799 году, второй – частный приют для сумасшедших на юге Франции в начале XIX века, где рабы и больные скрывают мятеж или восстание за проявлением «рационального безумия» (*Lawrence*, 1995, р. 2, 11; *Jacobson*, 1959, р. 587). В конечном счете к концу каждой истории «истина» становится очевидной. Оба повествования предложили нам метафорические рамки для концептуализации опыта «психотического» на конференции с системным подходом.

Эти произведения неким образом послужили нам – сначала персоналу, а затем и конференции в целом – своего рода контейнером или переходным объектом⁵ к другому виду мышления от ограниченного личной психотической динамикой. Рассказы помогли ремобилизовать наши не-психотические части (*Bion*, 1957); это позволило нам в качестве руководителей и консультантов лучше выполнить основную задачу конференции, которая заключалась в осознании своего опыта и исследовании его, чтобы затем учиться на нем. Они также помогли нам донести до участников конференции осознание того, что происходит в системной психотической динамике.

И на открытии, и на закрытии пленарных заседаний рабочих совещаний я как руководитель обычно упоминаю, что наши сотрудники работают с мыслью, что конец конференции не обязательно означает конец обучения. В этом случае было достаточно доказательств, что это касается бывших участников и сотрудников. Для меня это действительно стало так, поскольку начатое здесь обучение оказало большое влияние на то, как я в дальнейшем концептуализировал свое понимание организаций, в частности «психотических». Некоторое время назад, в основном благодаря работе на конференциях, я усвоил, что любая попытка понять организации с психодинамической точки зрения требует «приоритета социального (над индивидуальным)». Я имею в виду, что, если исследовать группы и организации с точки зрения системного подхода, то поиск смысла относится к «социальным фактам» и, таким образом, попадает в область проекта Сфинкса. До этой конференции мне было трудно понять полноценную *социоаналитическую* концептуализацию «психоза», сравнимую, например, с дифференциацией Биона (1957) психотических и непсихотических частей человека.

Признание психотических тревог как составной части развития младенцев и человеческого развития – и, таким образом, жизни в целом – несомненно, способствует депатологизации психоза и соответствующих ему страхов (*Young*, 1994, р. 73ff.; *Tarnopolsky, Chesterman & Parshall*, 1995). Хотя организации «совершенно особым и изысканным способом приспособлены избегать сознательного переживания психотической тревоги... психотические процессы находятся под угрозой прорыва время от времени» (*Young*, 1994, р. 156). С другой стороны, принятие этой нормальности никоим образом не уменьшает боль и страдания, связанные с опытом

⁵ Переходный объект, см.: http://en.wikipedia.org/wiki/Transitional_object (21.05.2006).

преследования, отмщения и уничтожения. Как аналитик работает, «чтобы стать аналитиком для психотических пациентов», так и менеджер и/или консультант, работающий с психотическим в организациях, должен быть способен «дойти до своих самых примитивных частей» в себе (*Winnicott, 1949*).

Психотическая организация

Стремясь достичь социоаналитической концептуализации психоза, я сначала посмотрел, как он оформлен относительно личности как персональной системы. Я начал с *патологической организации*, термина, который использовался различными психоаналитическими авторами в попытке лучшего понимания серьезных личностных нарушений (*Hinshelwood, 1991, p. 381ff.*). Оно (в числе прочих) основано на раннем наблюдении Кляйн, что «если страх преследования очень силен и по этой причине... младенец не может проработать параноидно-шизоидную позицию, то и функционирование через депрессивную позицию в свою очередь затруднено. Этот провал может привести к регрессивному усилению страха преследования и усилению точек фиксации для тяжелых психозов» (1952b, p. 294). Концепция *защитной организации* О'Шонесси (*O'Shaughnessy, 1981*) подчеркивает эту патологическую фиксацию среди детей, которые из-за слабого Эго и опыта экстремального страха преследований не вступают в депрессивную позицию. Их развитие Эго застаивается в защитных механизмах, типичных для параноидно-шизоидной позиции. Такой застой приводит либо к незрелому психическому равновесию между параноидно-шизоидной и депрессивной позицией, либо к чрезвычайно нарциссической структуре личности, организованной вокруг всемогущих защитных механизмов. Основываясь на бионовской (1957) дифференциации психотической и не-психотической частей личности и расщеплении, которое происходит вместе с этим, Мельтцер (*Meltzer, 1968*) и Мани-Керл (*Money-Kyrle, 1969*) описали внутренний конфликт между здоровой и больной частями личности. Чаще всего это приводит к проецированию последней во внешний мир (*Segal, 1956*). Вместо того чтобы расщепляться на плохие и хорошие части, Стайнер (*Steiner, 1979, 1982, 1987, 1990, 1993*), с другой стороны, пишет, что патологические структуры личности в основном характеризуются своего рода «связью фрагментов»⁶ под господством всемогущей нарциссической структуры личности, которая сама по себе является результатом неудачного расщепления.

Я предложил *психотическую организацию* как метафорическую рамку для дальнейшего социоанализа организаций. Хотя я чувствую определенное неудобство этой концепции – особенно в отношении социальных

⁶ Для Стайнера психотическая структура личности основана на том, что «фрагменты Я и внутренних объектов проецируются на объекты, которые, в свою очередь, собираются в мощную структуру. Из-за масштабов фрагментации, интенсивности жестокости и силы деструктивности и ненависти структура психики вынуждена примитивным способом полагаться на всемогущие механизмы. Таким образом, разумные части личности перегружены и насильственно завербованы для участия в психозе» (1993, с. 66).

явлений — из-за традиционных клинических патологических значений психоза (Young, 1994, p. 76ff.), с другой стороны, понятие психотической тревоги как пограничного состояния между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями побуждает меня использовать это понятие с организациями. На этот выбор меня особенно вдохновил Форнари (Fornari, 1966/1975), итальянский психоаналитик, который в своем «Психоанализе войны» предвосхитил большую часть основных сведений о том, что через некоторое время было концептуализировано как теория патологической организации.

Подобно Биону и раннему Жаке (1953, 1955, см. Menzies, 1960) Форнари описывает важную роль защиты от психотических тревог в формировании общества и его институтов. Исходя из предположения, что психотическое измерение групповой жизни находит свое самое эффективное воплощение в феномене войны, Форнари подчеркивает неспособность скорбеть, то есть параноидную проработку траура, как критическую динамику (или фактор) войны, так и психотического типа социальной организации. В то время как не-психотический способ борьбы с трауром основан на способности терпеть боль и страдания и сопутствует определенной уверенности в том, что в конечном итоге это пройдет (там же, с. 224), параноидная проработка траура основывается на собственном отчуждении и чувстве вины, которые проецируются на врага. Вопреки преобладающему представлению о том, что война является выражением ненависти, Форнари предлагает парадоксальное мнение о том, что «война... кажется безумием любви, а не безумием ненависти» (там же, с. 261). Вместо признания утраты и уничтожения «любимого объекта» и чувства вины, связанного с этим, параноидная проработка траура, характерная для войны, возлагает вину за потерю на врага, который затем считается ответственным за войну. Поражение противника является свидетельством его вины, а его уничтожение рационализируется как справедливое воздаяние за его преступление.

В сравнении, например, со Стайнером (1979, с. 389, 1990, 1993), чья точка зрения ограничена помехами гореванию в патологической организации пограничного пациента, т. е. индивида, анализ Форнари психотических измерений войны учитывает фундаментальную взаимосвязь между индивидом и обществом. Теория Форнари неявно основана на патологической фиксации и стагнации в параноидно-шизоидном положении и на защите, подобной той, что О'Шонесси (1981) спустя некоторое время концептуализировала как *защитную организацию*.

Я отношусь к психотической организации как к *метафорической* структуре главным образом потому, что я хочу избежать вхождения в более широкий эпистемологический спор о том, действительно ли или нет, и если да, то в какой степени, концепции, возникшие из психоанализа личности, могут быть перенесены или переведены в более широкий контекст общественных организаций. Я бы предпочел здесь занять более прагматичную позицию, чтобы выяснить, какие идеи могут быть получены, если предположить, что общественные организации (особенно предприятия) являются психотическими организациями (см. Morgan, 1986).

Подобно тому как пациенты с тяжелыми нарушениями личности часто не выглядят очень уж психотичными, а скорее создают впечатление, что они зафиксировали свое расстройство на определенном уровне, общественные организации – в частности, ориентированные на прибыль организации – похоже, часто скрывают свой внутренний уровень беспокойства за каким-то любопытным, но тем не менее нормальным видом. Будучи внешним наблюдателем или консультантом крупных корпораций, я часто вижу, что эти организации застряли в попытке защититься от очевидной угрозы и преследований, исходящих из внешнего мира рынков и конкурентов, над которыми сами они в то же время имеют тенденцию доминировать и контролировать с высокой степенью агрессии, садизма и деструктивности. В таких случаях, как мне кажется, психическая динамика организации оказывается в поведении и способе мышления, характерном для параноидно-шизоидной позиции. Перед лицом продолжающейся борьбы за превосходство, рост, выживание и стремление к увеличению доли рынка, похоже, почти нет возможностей для депрессивной позиции и ее страхов. Поскольку беспокойство по поводу хороших объектов внутреннего или внешнего мира отсутствует, преобладающая деструктивность и агрессия, похоже, не оставляют места для переживания вины, стремления к любви, траура или возмещения, характерных для депрессивного положения. Внешний мир и реальность, таким образом, формируются и уменьшаются внутренними психотическими тревогами и их соответствующими защитными механизмами.

Лоуренс описывает психоз вообще как «процесс, посредством которого люди защищают себя от понимания смысла и значения действительности, потому что они считают такое знание болезненным. Для этого они используют аспекты своего умственного функционирования, чтобы в разной степени разрушить сам процесс мышления, который бы заставил их соприкоснуться с реальностью» (2000, р. 4f). Таким образом, психотическая организация может пониматься как социальная система (или подсистема), которая вызывает временную или постоянную психотическую реакцию у ее обладателей. В тех случаях, когда обладатели организационной роли вынуждены сильнее, чем в других ситуациях, мобилизовывать свои психотические части и теряют способность к мышлению, они, как правило, сводят организационную реальность к тому, что кажется очевидным – «данным», соотносящимся с их преобладающими бессознательными фантазиями.

Психотическая организация и общественные организации

В своем первоначальном документе о психотической организации (Sievers, 1999b) я указал на полезность этой концепции, применив ее к различным системным ситуациям: *внутриорганизационной*, *межорганизационной* и *глобальной* динамике. Здесь я хотел бы изложить несколько недавних попыток понять мир организаций через объектив психотической организации: 1) международная немецкая автомобильная компания, 2) англо-американские системы пенсионных фондов и 3) австрийская

политическая партия. Однако структура этой статьи предоставляет пространство только для кратких набросков.

Международная немецкая автомобильная компания: конкуренция как война

Идея о том, что конкуренция внутри и между предприятиями может восприниматься как психотическая динамика войны, стала для меня поразительной очевидностью, когда я проводил анализ организационной роли (*Newton, Long & Sievers, 2006*) с некоторыми обладателями роли в Volkswagen несколько лет назад. Несколько интересных эпизодов по случаю посещения главного завода в Вольфсбурге привели меня к более глубокому исследованию социоистории этой компании (*Sievers, 2000*).

Когда я пришел в компанию в качестве посетителя, я чувствовал, что сотрудники службы безопасности в какой-то степени считают меня незванным гостем. Сопровождающая меня сотрудница вступилась за меня, спонтанно отметив, что люди у входа все еще олицетворяют дух СС (*Schutz-Staffel*, т. е. «отряд охраны»), который более полувека назад контролировал границы завода с внешним миром (*Nelson, 1966*, p. 72). Позже в ее кабинете садовый гном с кинжалом в спине, аккуратно стоящий на ее столе, вернул нас к ранней истории компании и, очевидно, все еще жестокой динамике борьбы. Сотрудница сказала мне, что установки, которые, по-видимому, использовались для пыток, были недавно найдены в подвале старого здания недалеко от того места, где мы сидели. Они использовались для уничтожения мыслей и личностей принудительных рабочих во время Второй мировой войны (*Amati, 1987*). При следующем посещении завода ее офис был временно перемещен в один из бараков, в которых, как говорят, жили иностранные рабочие, трудившиеся в качестве принудительной рабочей силы.

Эти эпизоды почти неизбежно сталкивали меня с мегаломанской частью мифа о возникновении компании (*McWhinney & Batista, 1988*), который сам был выражением нацистской идеологии. Встреча заставила меня осознать, что на самом деле может быть скрыто за метафорой войны, которая часто используется в организационной практике и теории. Для меня вскоре стало очевидно, что эта конкретная компания является выдающимся и, вероятно, уникальным примером взаимосвязи конкуренции и войны. Компания долгое время была вовлечена в войну за господство на мировом автомобильном рынке. Эта корпорация дает убедительные доказательства того, что ее изначальная поддержка мегаломанской военной мобилизации по-прежнему влияет на микрополитику корпорации и ее рыночную деятельность.

В отличие от бесчисленного множества других немецких корпораций, которые также сотрудничали с нацистским режимом и получали выгоды во время Второй мировой войны, Volkswagen был явно «желанным ребенком» Третьего рейха и самого Гитлера. Фирма, основанная в 1938 году, во время расцвета Третьего рейха (*Shirer, 1961*, p. 258), явно служила грандиозности Гитлера. Volkswagen «Жук», как он стал известен вскоре

после войны, был для Гитлера «лучшей работой» и его «любимой идеей». Проект с самого начала считался беспрецедентным «в истории человечества» и был предназначен не только для того, чтобы превзойти заводы Ford в Мичигане (*Nelson*, 1966, p. 81, 98, 104), но и вскоре возглавить лидерство на мировых рынках (*Roth*, 1990, p. 82).

Мой опыт и мое последующее исследование привели меня к вопросу о господствующей убежденности в том, что война не считается частью делового мира, организаций или мира, построенного вокруг них. Согласно этому пониманию, экономика войны и борьбы заточена исключительно на получение выгод от производства военного снаряжения, служит поддержанию военных сил (как во времена войны, так и мира) и восстановительных работ и реконструкции, необходимых после окончания битвы. Предполагаемое отсутствие кровопролития или жертв в коммерческих организациях побуждает нас предположить, что частое упоминание войны является просто метафорическим. В теории организации и менеджмента редко признается, что чрезмерное насилие, садизм, боль и потери – опыт и динамика, характерные для каждой войны, – преобладают в современном деловом мире. В теории и на практике, похоже, не слишком много осознания того, что обладатели организационных ролей часто «переполнены ужасными историями, деталями и образами» (*Krantz*, 2006, p. 15).

Случай с Volkswagen привел меня к гипотезе о том, что подобная военная динамика не только встречается во всей автомобильной промышленности, но и во множестве, если не в большинстве корпораций – с их отчаянным стремлением завоевать или сохранить доминирующую роль глобальных игроков.

В той мере, в какой организации – предприятия и некоммерческие организации – склонны преуменьшать свои собственные прибыли и убытки, а также прибыли и убытки конкурентов до простых цифр денежного учета, они так же игнорируют эмоциональный опыт побед и поражений на мировых рынках. Поскольку опыт потерь, в частности, не может быть воспринят, он не может быть признан и, следовательно, не может быть прожит. Вместо этого игнорируемые чувства проигрыша, страха или уничтожения психотически превращаются в поражение, вызванное «другими». Врожденные агрессия и деструктивность посредством рационализации, сокращения или увеличения маркетинговой активности направлены «вовне» – либо в сторону рабочей силы, либо в конкурентов.

Англо-американские системы пенсионных фондов

Моя попытка понять психотическую динамику мировой экономики привлекла мое внимание к влиянию революции финансовых услуг на системы пенсионных фондов (*Sievers*, 2003). Моей отправной точкой для этого исследования стала нынешняя англо-американская «частная» система пенсионных фондов, базирующаяся на абсолютно других образах человека, общества и социальной принадлежности, нежели традиционные

системы социального обеспечения и пенсионные схемы, характерные для социальных государств во многих европейских странах.

Это привело меня к рабочей гипотезе о том, что англо-американская система пенсионных фондов из-за присущей ей защиты от преследований и депрессивных тревог основана на психотической динамике. Для участников этих систем ожидаемые выплаты после выхода на пенсию считаются защитой от «жалкого» образа жизни, лишений и уничтожения, а также чувства зависимости, благодарности, любви и вины. Поскольку люди все чаще стремятся к обеспеченной старости, коммодитизированные деньги питают иллюзию, что чем больше денег накоплено, тем более уверенно смерть будет держаться на расстоянии.

Однако психотическая динамика, присущая системе пенсионных фондов, не ограничивается теми, кто вкладывает средства в фонды, а находит дальнейшее выражение в организациях, которые управляют фондами, и соответствующих им обладателях роли. Загруженные ожиданиями и опасениями своих клиентов относительно адекватных выплат после выхода на пенсию, пенсионные фонды склонны поддерживать и распространять глобальный сговор психотического мышления. Таким образом, деньги, отданные пенсионной системе, служат, помимо своей «денежной» функции, «проводником» психотических тревог. Как следствие, пенсионные фонды стали основными игроками на какой-то глобальной сортировочной станции, где лежащие в основе страхи передаются и изменяются разными способами.

Вызванная отрицанием смерти и отчаянной жадой бессмертия будущих пенсионеров неотъемлемая глобальная психотическая динамика превращается в деструктивность, которая, как правило, отрицает смертность людей, работающих на предприятиях, — как руководителей, так и рабочих — путем редуцирования предприятий через оптимизацию акционерной стоимости в простые денежные единицы. Таким образом, мир психотично сводится к своему денежному выражению. Все, что имеет значение, — это деньги, и деньги заставляют мир крутиться.

Австрийская политическая партия

Тогда как два предыдущих примера относятся к миру бизнеса и предпринимательства, последний взят из опыта работы с политической партией. Некоторое время назад я работал на семинаре по социальным сновидениям⁷ с группой австрийских социал-демократов, которые были членами

⁷ *Социальное сновидение* — «это дисциплина для раскрытия социального смысла и важности сновидений посредством обмена ими друг с другом. Это делается путем осознанного и устойчивого метода свободных ассоциаций и дополнения через социальную матрицу сновидений... С момента возникновения социального сновидения системный характер сновидений был признан и подтвержден. Спящие видят сны не только о своей экологической нише, но и сны, которые систематически взаимосвязаны. Социальное сновидение также является уникальной эмпирической дисциплиной, которая освобождает участников от их личных защит, ограничивающих свободное мышление и взаимодействие в обычных социальных ситуациях. Социальные сновидения могут использоваться в организационных системах, профессиональных сообществах и потребительских, фокус-группах и группах специальных интересов» (Институт социальных сновидений). Социальное сновидение было основано доктором Гордоном Лоуренсом в 1982 году.

местного совета в одном из федеральных штатов (Sievers, 2006b). Многие из снов, рассказанные во время части, посвященной социальной матрице сновидений (Lawrence, 1998, p. 2005), касались того факта, что участники чувствовали себя жестоко преданными своей политической партией.

Я был удивлен, узнав, что за несколько лет до этого партия не только сменила свое название с *Социалистической партии Австрии* на *Социал-демократическую партию Австрии*, но и отказалась от своей оригинальной риторики и языка – и, можно предположить, части своей первоначальной миссии. Если в 1978 году было заявлено: «Мы, социалисты, боремся за свободу и достоинство человека... против всякого подавления и эксплуатации посредством политического деспотизма и частной экономической или государственно-капиталистической власти» (*Sozialistische Partei Österreichs*, 1978, p. 1), то в документе 1998 года подчеркивалось, что социал-демократы «обязаны уважать идеал гуманного, демократического и справедливого общества... Этот идеал гуманного общества является целью, реализации которой мы постепенно надеемся достичь путем демократического соперничества с другими политическими концепциями» (*SPÖ-Bundesgeschäftsstelle*, 1998, p. 3).

Переход от партии для рабочих к партии «для всех трудящихся» (там же, с. 4) согласуется с тем фактом, что, хотя *социалисты* были «ведущей силой общественных изменений в Австрии» на протяжении более века (*Sozialistische Partei Österreichs*, 1978, p. 45), к 1998 году *социал-демократы* поставили себе в заслугу достижение большого прогресса в предыдущие годы.

В первой «матрице» один участник рассказал сон, в котором он был на политическом мероприятии, которое включало церемонию победы в лотерее. Главным призом была надувная машина. Ассоциации, связанные с этим сном, в основном касались вопроса о том, а не были ли результаты их политической работы и предвыборных кампаний, по сути, горячим воздухом в гигантском воздушном шаре. В отличие от настоящих лотерей в Австрии, главный приз в этом сне не был даже *настоящей* машиной. «Мы постоянно находимся на сцене, но забыли текст» – ассоциация другого участника. «Не было бы более уместным проткнуть воздушный шар иглой (призовой автомобиль) или вытащить пробку, чтобы выпустить воздух?» Партийные события воспринимаются как напыщенные и всего лишь являются подобием кабаре. Один из участников цинично задался вопросом, что они представляют собой на сцене. «Монтировщики декораций, техники освещения – мы не являемся ключевым светом, мы не играем роли» – таков был ответ одного из его коллег.

Еще один сон, которым поделился тот же участник, разворачивается в институте, где он работает. Руководитель ввел процедуру, по которой все события должны оцениваться. Он представляет и яростно защищает эту процедуру контроля качества, за которую несет ответственность, на собрании совета – несмотря на то что он сам не может отождествить себя с ней. «Мое сердце не лежит к этой работе, но она должна быть выполнена. Выполнение этой задачи – не самое ценное мое желание». Другой участник замечает, что между сном и реальностью нет большой разницы.

В какой мере эти вопросы о будущем социал-демократии являются одновременно подсознательными и в то же время парализующими повседневную жизнь этих участников и связаны с нынешним кризисом идентичности партии, становится очевидным в следующих ассоциациях во время первой «матрицы»: *«Если то, чего мы достигли с социал-демократией на сегодняшний день, по сути, является лишь сном, тогда мы должны бороться с этим сном. Это невероятная история». «...Когда мы или предыдущее поколение все еще имели видение, за которое стоило сражаться <...> Сегодня это только вопрос победы на выборах!»* Стремление партии к политике регулирования вместо достижения центра и, таким образом, большинства голосов сделало их подозрительными и полными злости и гнева. Как один из участников выразил это: *«Мы должны бороться против нашей коррумпированной партии, системы, которая существует. Я потерял мечту, видение того, что воплощает в себе социал-демократия. Больше не за что сражаться. То, что важно, уже сделано; нам не нужно бороться за это»*. В то время как разочарование участников поначалу переживалось как предательство и циничным образом выражалось в обвинении партийных лидеров, позже они смогли понять, что они были не только жертвами предательства, но и играли активную роль в предательстве идей социализма.

Цинизм можно понимать как «отношение, которое сформировалось на опыте предательства и которое просто пытается иммунизировать себя от дальнейших травм такого рода» (Teichert, 1990, p. 100). Таким образом, цинизм можно рассматривать как психологическую попытку человека защититься от переживания параноидно-шизоидных тревог, связанных с изменой. Еще до Первой мировой войны (если не с самого начала XIX века) социал-демократия, по крайней мере в Германии и в Австрии, была поймана в порочном круге цинизма и предательства (Sievers, 2006a). Пренебрежительный и часто циничный упрек левых коммунистов и социалистов, что социал-демократия предала рабочих, довольно часто отвергается социал-демократами не менее циничным образом. Возможно, есть частичная правда в том, что заявил один из участников «социальной матрицы сновидений», — что «больше не за что сражаться». Возможно, социал-демократия либо выполнила свою миссию, либо ее миссия на самом деле невыполнима из-за присущего ей идеализма и утопичности. Как бы то ни было, кажется, что ни одна позиция не смогла бы удерживаться социал-демократами из депрессивной позиции в зрелом смысле, потому что это заставило бы их противостоять их собственному предательству и цинизму.

Выводы

Эти три примера иллюстрируют, что сосредоточение внимания на бессознательной психотической динамике в организациях дает новый взгляд на исследования и теорию и тем самым расширяет рамки того, что можно считать «реальностью». Каждый из этих примеров, безусловно, можно было бы прочитать с разных теоретических подходов, таким образом создавая отдельные интерпретации и ценные идеи.

Выбранная мной призма подчеркивает взаимосвязь бессознательной динамики личности и организации, что привело меня к новому пониманию организационного «безумия». Если рассматривать психотическую организационную динамику как социально обусловленную – и, следовательно, как часть «нормальных организаций», – «безумие нормальности» может считаться социальным фактом, а не объективным. Социоаналитический подход позволяет обладателям организационных ролей получить доступ к собственному опыту и побуждает их воспринимать это всерьез как источник новых мыслей и мышления. Один из очевидных недостатков этого подхода лежит, так сказать, в «природе зверя», то есть поиск рефлексии и понимания того, что находится за пределами (что скрыто), очевидно, ограничен тем фактом, что «человечество не может вынести слишком много реальности» (*T. S. Eliot*, 1974). Отчасти это связано с тем, что обладатели роли в организациях, видимо, часто бессознательно воспитывают отвращение к мышлению, которое сводит реальность к тому, что сознательно известно и понятно. Хотя мы склонны отрицать наши психотические тревоги, мы «бессознательно приходим к созданию организаций, предназначенных для удержания их в страхе» (*Lawrence*, 1995, p. 17).

Хотя понятие психотической организации фокусируется на ее психотической динамике, необходимо подчеркнуть, что психотические части организации обычно сосуществуют с ее не-психотическими частями. Аналогично дифференциации Биона (1957) психотических и не-психотических частей *личности* организационная динамика может быть психотической и не-психотической. Особенно в то время, когда преобладают капитализм и овеществление денег, весьма вероятно для каждой организации – промышленной, социальной или образовательной, – что растущая проблема дефицита ресурсов серьезно угрожает фундаментальным ценностям и будущим перспективам многих организаций. Обладатели организационной роли часто реагируют чрезмерной борьбой (как в конкуренции) или отступлением и цинизмом. Чаще всего это способствует формированию тоталитарного мышления и склонности сведения организационной реальности к тому, за что легко можно сделать кого-то ответственным, и тому, что легко может быть обосновано финансовыми данными. Признание руководством психотической динамики может открыть понимание и способность мобилизовать не-психотические части со стороны тех обладателей ролей, которые оказывают решающее влияние на ее судьбу и будущее.

Перед лицом все более преобладающей тенденции к овеществлению организаций концепция психотической организации способна привнести важные осознания о бессознательной конструкции и односторонности лежащего в основе организации мышления. Деконструкция мышления в организациях позволяет проникнуть в сущность социальной составляющей организационной психодинамики и делает возможным ее осмысление, что может расширить и усилить возможности для не-психотического мышления в организациях и, соответственно, нового толкования того, что предполагается считать «организационной реальностью».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Amati S.* (1987) Some thoughts on torture, *Free Associations*, 8: 94–114.
2. *Armstrong D.* (1997) The Institution-in-the-mind: Reflections on the relation of psychoanalysis to work with institutions, *Free Associations*, 7(41): 1–14.
3. *Armstrong D.* (2005) Organization in the mind: Psychoanalysis, group relations and organizational consultancy. London: Karnac.
4. *Bain A.* (1999) On Socio-Analysis, *Socio-Analysis*, 1(1): 1–17.
5. *Bion W.R.* (1946) Leaderless group project, *Bulletin of the Menninger Clinic*, 10: 77–81. *Bion W.R.* (1948a) Psychiatry in a time of crisis, *British Journal of Medical Psychology*, 21. *Bion W.R.* (1948b) Experiences in groups, *Human Relations*, 1–4, 1948–1951.
6. *Bion W.R.* (1957) Differentiation of the psychotic from the non-psychotic personalities, *International Journal of Psycho-Analysis*, 38: 266–275.
7. *Bion W.R.* (1961) Experiences in groups, London: Tavistock.
8. *Blackwell D.* (2006) Holding, Containing and Bearing Witness: The Problem of Helpfulness in Encounters with Torture Survivors [http://www.torturecare.org.uk/UserFiles/File/publications/Black_2.rtf], accessed 21/05/2006.
9. *Eisold K.* (1997) Psychoanalysis today: Implications for organizational applications, *Free Associations*, 6(2): 174–191.
10. *Elieli R.* (1994) Psychoanalytic thinking and organizations, *Psychiatry*, 57: 78–91. *Eliot T.S.* (1974) *Murder in the cathedral*. London: Faber & Faber.
11. *Erlich S.* (1998) The search for the subject and the psychoanalytic study of organizations, Paper presented at the 1998 Symposium, International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations, Jerusalem [<http://www.sba.oakland.edu/ispso/html/1998/Erlich>].
12. *Fornari F.* (1966/1975) *The psychoanalysis of war*. Bloomington: Indiana University Press. *Gabriel Y.* (1999) *Organizations in depth: The psychoanalysis of organizations*. London: Sage.
13. *Harrison T.* (2000) *Bion, Rickman, Foulkes and the Northfield Experiments: Advancing on a different front*. London: Jessica Kingsley.
14. *Harrison T. & D. Clarke* (1992) The Northfield Experiments, *The British Journal of Psychiatry*, 160: 698–708.
15. *Hinshelwood R. D.* (1991) *A dictionary of Kleinian thought*. London: Free Association Books.
16. *Hutton J., J. Bazalgette & B. Reed* (1997) Organisation-in-the-mind: A tool for leadership and management of institutions, in J. Neumann, K. Kellner & A. Dawson-Shepherd (eds.) *Developing organizational consultancy*. London: Routledge, 113–126.
17. *Jacobson E.* (1959) 'Depersonalization', *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 7: 581–610.
18. *Jaques E.* (1953) On the dynamics of social structure, *Human Relations*, 6: 3–24.
19. *Jaques E.* (1955) Social systems as a defence against persecutory and depressive anxiety, in M. Klein.

20. *P. Heimann & R. Money-Kyrle* (eds.) *New directions in psycho-analysis: The significance of infant conflicts in the patterns of adult behaviour*. London: Tavistock, 478–498.
21. *Klein M.* (1952a) Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the infant, in *M. Klein*.
22. *P. Heimann, S. Isaacs & J. Riviere* (eds.) *Developments in psycho-analysis*. London: Hogarth, 198–236.
23. *Klein M.* (1952b) On observing the behaviour of young infants, in *M. Klein, P. Heimann, S. Isaacs & J. Riviere* (eds.) *Developments in psycho-analysis*. London: Hogarth, 237–270.
24. *Klein M.* (1959) Our adult world and its roots in infancy, *Human Relations*, 12: 291–303.
25. *Knights D. & D. McCabe* (1997) Innovate to subjugate: The self-reconstituting manager and the reconstitution of employees in a motor manufacturing company, in *Conference proceedings Organizing in a multi voiced world*, Leuven, June 4–6.
26. *Krantz J.* (2006) Eric Miller memorial lecture, Unpublished manuscript, 3/16/2006.
27. *Lawrence W.G.* (1995) The seductiveness of totalitarian states-of-mind, *Journal of Health Care Chaplaincy*, 7(October): 11–22.
28. *Lawrence W.G.* (1998) Won from the void and formless infinite: Experiences of social dreaming, in *Social Dreaming @ Work*. London: Karnac, 9–41.
29. *Lawrence W.G.* (1999) Centring on the Sphinx for the psychoanalytic study of organizations, *Socio-Analysis*, 1(2): 99–126.
30. *Lawrence W.G.* (2000) Thinking refracted, in *Tongued with fire: Groups in experience*. London: Karnac, 1–30.
31. *Lawrence W.G.* (2005) *Introduction to Social Dreaming. Transforming Thinking*. London: Karnac.
32. *Long S.* (1999) Who am I at work? An exploration of work identifications and identity, *Socio-Analysis*, 1: 48–64.
33. *Main T.* (1946) The hospital as a therapeutic institution, *Bulletin of the Menninger Clinic*, 10: 66–70. *McWhinney W. & J. Batista* (1988) How remythologizing can revitalize organisations, *Organisational Dynamics*, 17(2): 46–58.
34. *Meltzer D.* (1968) Terror, persecution, and dread, *International Journal of Psycho-Analysis*, 49: 396–400.
35. *Melville H.* (1855/1969) Benito Cereno, in *W. Berthoff* (ed.) *Great short works of Herman Melville*. New York: Harper & Row, 238–315.
36. *Menzies I.* (1960) A case-study in the functioning of social systems as a defence against anxiety: A report on a study of the nursing service of a general hospital, *Human Relations*, 13(2): 95–121.
37. *Money-Kyrle R.* (1969) On the fear of insanity in (1978) *The collected papers of Roger Money-Kyrle*. Perth: Clunie, 434–441.
38. *Morgan G.* (1986) *Images of organization*. Beverly Hills: Sage.
39. *Nelson W.H.* (1966) *Die Volkswagen-Story. Biographie eines Autos*. München: R. Pieper; trans. as (1967) *Small Wonder. The Amazing Story of the Volkswagen*. Boston: Little, Brown & Co.

40. *Neumann J. & L. Hirschhorn* (eds.) (1999) Towards the integration of the social sciences, *Human Relations*, 52(6) (Special Issue).
41. *Newton J., S. Long & B. Sievers* (eds.) (2006) Coaching-in-depth: The Organizational Role Analysis approach. London: Karnac.
42. *O'Shaughnessy E.* (1981) A clinical study of a defensive organization, *International Journal of Psycho-Analysis*, 62: 359–369.
43. *O'Shaughnessy E.* (1992) Psychosis: Not thinking in a bizarre world, in R. Anderson (ed.) *Clinical lectures on Klein and Bion*, London: Tavistock/Routledge, 89–101.
44. *Poe E.A.* (1845/1938a) The system of Doctor Tarr and Professor Fether, in *The complete tales and poems of Edgar Allan Poe*. New York: Modern Library, 307–321.
45. *Roth K.H.* (1990) NazismusgleichFordismus? Die deutsche Autoindustrie in den dreißiger Jahren, *Zeitschrift für Sozialgeschichte des 20. und 21. Jahrhunderts*, 5(4): 82–91. Rycroft, C. (1968/1995) *A critical dictionary of psychoanalysis*. London: Penguin.
46. *Segal H.* (1956) Depression in the schizophrenic, *International Journal of Psycho-Analysis*, 37: 339–343.
47. *Shirer W. L.* (1961/1981) *Aufstieg und Fall des Dritten Reiches*. Köln: Kiepenheuer & Witsch; trans. as (1981) *The Rise and Fall of the Third Reich: A History of Nazi Germany*, New York: Simon & Schuster.
48. *Sievers B.* (1999a) Accounting for the caprices of madness: Narrative fiction as a means of organizational transcendence, in R. Goodman (ed.) *Modern organizations and emerging conundrums: Exploring the postindustrial subculture of the third millennium*, Lanham: Lexington Books, 126–142.
49. *Sievers B.* (1999b) Psychotic organization as a metaphoric frame for the socio-analysis of organizational and interorganizational dynamics, *Administration & Society*, 31(5): 588–615.
50. *Sievers B.* (2000) Competition as war: Towards a socio-analysis of war in and among corporations, *Socio-Analysis*, 2(1): 1–27.
51. *Sievers B.* (2003) Your money or your life? Psychotic implications of the pension fund system: Towards a socio-analysis of the financial services revolution, *Human Relations*, 56(2): 187–210.
52. *Sievers B.* (2006a): It is new, and it has to be done!': Socio-analytic thoughts on betrayal and cynicism in organizational transformation, *Culture & Organization*, (forthcoming).
53. *Sievers B.* (2006b): There's nothing more worth fighting for. Social Dreaming with Social Democrats in Austria, in W. Gordon Lawrence (ed.) *Case studies in Social Dreaming*. London: Karnac (forthcoming). Social Dreaming Institute What is Social Dreaming? [<http://www.socialdreaming.org>].
54. *Sozialistische Partei Österreichs* (ed.) (1978) *Das neue Parteiprogramm der SPÖ*. Wien: Zentralsekretariat.
55. *SPÖ-Bundesgeschäftsstelle* (ed.) (1998) *SPÖ – Das Grundsatzprogramm*. Wien.
56. *Steiner J.* (1979) The border between the paranoid-schizoid and the depressive position in the borderline patient, *British Journal of Medical Psychology*, 52: 385–391.

57. *Steiner J.* (1982) Perverse relationships between parts of the self: A clinical illustration, *International Journal of Psycho-Analysis*, 62: 241–252.
58. *Steiner J.* (1987) Interplay between pathological organisation and the paranoid-schizoid and the depressive position, *International Journal of Psycho-Analysis*, 68: 69–80.
59. *Steiner J.* (1990) Pathological organisations as obstacles to mourning, *International Journal of Psycho- Analysis*, 71: 87–94.
60. *Steiner J.* (1993) *Psychic retreats. Pathological organization in psychotic, neurotic and borderline patients.* London: Routledge.
61. *Steingard D. & D. Fitzgibbons* (1993) A postmodern deconstruction of total quality management (TQM), *Journal of Organizational Change Management*, 6(5): 27–42.
62. *Tarnopolsky A., P. Chesterman & A. Parshall* (1995) What is psychosis?, *Free Associations*, 5(4): 536–566.
63. *Teichert W.* (1990) *Jederist Judas: Der unvermeidliche Verrat.* Stuttgart: Kreuz Verlag.
64. *Willmott H.* (1993) Strength is ignorance: Slavery is freedom: Managing culture in modern organizations, *Journal of Management Studies*, 30: 515–553.
65. *Winnicott D.* (1949) Hate in the counter-transference, *International Journal of Psychoanalysis*, 30: 69–74.
66. *Young R.* (1994) *Mental space.* London: Process Press.
67. *Young R.* (2006) *Group Relations: An Introduction* [<http://human-nature.com/group/chap10.html>], accessed 21/05/2006.

The Psychotic Organization: A Socio-Analytic Perspective *

Burkard Sievers

**(Translation from English: Natalia Redkina,
scientific editor: E. Shapovalova)**

Dr. Burkard Sievers, Professor of Organizational Development in the Department of Economics, Management and Social Sciences at Bergische Universität Wuppertal in Germany, where he teaches and writes on management and organization theory from a psychoanalytic perspective and an action research approach. He received his Dr. Soz. Wiss. from the University of Bielefeld in 1972 and has held visiting appointments at various universities abroad. Dr. Sievers is co-editor of Freie Assoziation – Zeitschrift für das Unbewusste in Organisation und Kultur. He was awarded the 1995 International Award for Participation from the HBK-Spaarbank in Antwerp (Belgium) for his book Work, Death, and Life Itself. Essays on Management and Organization (de Gruyter, 1994). He is President of the International Society for the Psychoanalytic Study of Organizations for the period 2005-2007 and co-director of 'Organizations in Depth', an International Professional Development Program held in Coesfeld/Cologne, Germany.

"The Psychotic Organization: A Socio-Analytic Perspective" has somehow become the leitmotiv of my research and writing on organization and management for about a decade. First, I would like to introduce my understanding of organization from a socio-analytic perspective. I will then briefly describe the experience of a Group Relations Conference in which organizational madness predominated. In the third part I will outline my understanding of psychotic organization and indicate some of the thinkers and sources upon which I have built my conceptualization. The fourth part comprises some of the insights that I have gained in 'applying' this perspective to various organizational and societal dynamics. In the conclusion, the assumption is further elaborated that the psychotic organization as a socio-analytic attempt at understanding organizations in depth opens up new thinking and important vistas on the theory and politics of organizations.

Keywords: social defense mechanisms, psychotic organization, socioanalysis.

* Ephemera articles theory & politics in organization, 2006 ephemera 6(2): 104–120